

Н. Новгородцев

**Кант и Гегель в их учениях о праве и
государстве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
Н11

Н11 **Н. Новгородцев**
Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве / Н. Новгородцев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 254 с.

ISBN 978-5-458-55176-2

ISBN 978-5-458-55176-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее сочиненіе возникло въ тѣсной связи съ моимъ трудомъ: «Историческая школа юристовъ». Заинтересовавшись судьбой идеи естественнаго права, я постарался рассмотреть въ этомъ трудѣ, насколько историческое направленіе въ юриспруденціи упразднило ту идею, которая издавна являлась опорой философіи права. Въ результатъ изслѣдованія я пришелъ къ мысли, что это упраздненіе было нигилизмомъ и что естественно-правовая идея пережила тѣ нападенія, которыя были противъ нея сдѣланы. Историческая точка зрѣнія совершенно основательно отвергла проявія ученія о происхожденіи права изъ случая и произвола; но центръ естественно-правовой доктрины заключался вовсе не въ ея взгляды на происхожденіе права, а въ вопросы о возможности нравственнаго суда падѣ имъ.

Такимъ образомъ интересъ при изслѣдованіи идеи естественнаго права долженъ быть переставленъ отъ вопроса объ условіяхъ правообразованія къ проблемѣ о самостоятельномъ значеніи нравственной опѣнки явленій. Движеніе мысли истекшаго вѣка было скорѣе враждебно къ положительному рѣшенію этой проблемы. Сначала историзмъ, а затѣмъ позитивизмъ стремились устранить точку зрѣнія долгаго и поставить нравственный вопросъ, какъ частный видъ генетическаго или историческаго разсмотрѣнія. Между тѣмъ генетическая точка зрѣнія не покрываетъ собою этической и вмѣсто того, чтобы отвергнуть эту послѣднюю, она сама должна быть отвергнута въ своихъ исключительныхъ

притязанияхъ. Какъ ни широка область ея притязаній, но она имѣетъ свои предѣлы, которые должны быть ясно сознаны.'

Нѣтъ ничего удивительнаго, если современная мысль въ разрѣшеніи вопроса о самостоятельномъ значеніи нравственной точки зрѣнія обращается къ Канту. Исторія философіи не знаетъ до сихъ поръ болѣе крупной попытки обосновать самостоятельное положеніе этической методы. На почвѣ ея независимаго существованія находятъ свою настоящую постановку всѣ тѣ идеи, которыя за последнее время старались отстоять отъ объективизма науки. Проблемы индивидуализма и нравственной оцѣнки, совершенно выходящія изъ сферы объективно-научнаго разсмотрѣнія, получаютъ здѣсь надлежащее осмысленіе. Вместе съ тѣмъ узаконяется вся область нормативныхъ понятій въ своей отличительной и формальной постановкѣ. Когда въ ней видятъ лишь одинъ изъ возможныхъ способовъ изслѣдованія, трудно возражать противъ ея абстрактной односторонности. Это философское признаніе нормативнаго разсмотрѣнія имѣетъ большое значеніе для юриспруденціи, которую также пытались перестроить подъ вліяніемъ позитивизма. Ея особенная метода должна остаться неприкосновенной, какъ самостоятельный способъ изслѣдованія, наряду съ историческимъ и социологическимъ.

Результаты возвращенія къ философскимъ основамъ Канта не ограничиваются эгою реабилитацией нравственной проблемы. Его критицизмъ отражается и на новомъ направленіи социологической мысли. Недавняя «наука о законахъ общественной солидарности», учившая о томъ, какъ отдѣльныя общественныя явленія «соприкасаются между собою» и «стремятся придти въ состояніе гармоніи», представляется теперь слишкомъ догматической и лишеною твердыхъ основаній. Такимъ образомъ, почти вся совокупность методологическихъ понятій, воспринятыхъ нами отъ недавняго прошлаго, въ качествѣ основы для постановки юридическихъ и общественныхъ наукъ, подвергается критикѣ и осуждается, какъ недостаточная.

Въ настоящемъ трудѣ я коснулся лишь перваго пункта этой новой методологической программы, т. е. вопроса о самостоятельности нравственной проблемы. Я поставилъ своей цѣлью изучить положеніе этого вопроса у Канта, отъ котораго ведетъ свое на-

чало современное направление этической философии. Важно было определять как достоинства, так и пробелы его системы и таким образом установить точные настоящие сферы ее задачи. Проблемы этой системы, как известно, нашли глубокомысленного критика в лице Гегеля. Его основные замечания против Канта до сих пор сохраняют весь свой интерес и в своей совокупности полагают фундамент для другого построения моральной философии, основанного на иных началах и стремлениях. Нельзя найти лучшей параллели для взглядов Канта. Изучая круг вопросов, выдвинутых Гегелем, мы убеждаемся в их настоятельной важности, но убеждаемся также и в том, что они не устранились, а восполняют вопросы Канта. Мы представляем instructивным именно совместное изложение их доктрин, при помощи которого все лучше выясняются, как самостоятельность нормативного разсмотрения, так и необходимость его восполнения.

Так определяется общий план моего труда. Исторического освещения доктрин я не ставил своей задачей. Точно также я считал возможным обойти второстепенные подробности в учениях Канта и Гегеля, не представлявших для моих целей никакого интереса.

Москва. 9 октября 1901 года.

ВВЕДЕНИЕ.

Когда въ настоящее время кто-либо берется писать объ известномъ ученіи или рядѣ ученій и ставить своей цѣлью объяснить ихъ внутреннее строеніе въ связи съ изыскавшей ихъ исторической обстановкой, онъ долженъ представить особенное оправданіе какъ для своей темы, такъ и для своей методы. Ибо теперь стало не только обычнымъ, но и общеобязательнымъ требованіе, чтобы идея изучалась въ связи съ реальной средой, въ которой она возникла и получила распространеніе. Столь же обычнымъ, почти шаблоннымъ стало возраженіе, стремящееся подорвать научную цѣну тѣхъ изслѣдованій, которыя оставляютъ въ сторонѣ обстановку, среду и берутъ идеи и ученія въ ихъ обособленномъ существованіи и внутреннемъ значеніи.

Если бы рѣчь шла о томъ, чтобы опровергнуть въ такихъ изслѣдованіяхъ слѣды стараго гегельянскаго взгляда, видѣвшаго въ развитіи идей торжественное шествіе абсолютнаго духа, раскрывающаго свои опредѣленія по строгимъ законамъ логики, мы бы поняли тѣ возраженія, которыя дѣлаются въ данномъ случаѣ. Мы бы поняли вообще указанное выше требованіе—объ изученіи идей въ связи съ реальными условіями жизни—, если бы оно сопровождалось яснымъ сознаніемъ ожидаемыхъ отъ него результатовъ и опровергаемыхъ имъ взглядовъ. Но когда оно становится научнымъ шаблономъ, высказываемымъ безапелляціонно и не подтверждающимъ своихъ основаній и предѣловъ, здѣсь позволительны сомнѣнія и вопросы.

Мнѣ казалось умістнымъ высказать эти сомыѣнія и поставить эти вопросы въ самомъ началѣ своей работы, посвященной анализу идей двухъ важнѣйшихъ представителей нѣмецкой философіи права. Та специальная область научной литературы, которая имѣетъ своей цѣлью изученіе и объясненіе идей,—философскихъ, политическихъ и иныхъ—чрезвычайно быстро вырастаетъ на нашихъ глазахъ. Давно уже не замѣчалось въ этой области такого оживленія, какъ теперь, когда въ разныхъ странахъ и на разныхъ языкахъ появляются многочисленные изслѣдованія и статьи, съ различныхъ точекъ зрѣнія осмѣивающія пдѣйную сторону историческаго процесса. Нельзя не сказать, однако, что этой оживленности научной работы въ данной области далеко не соответствуетъ степень выясненности методологическихъ пріемовъ и средствъ. Кромѣ общихъ замѣчаній и разъясненій вводнаго характера, мы почти ничего не можемъ указать въ этомъ отношеніи. Повидимому, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, первоначально долженъ накопиться известныи научный матеріалъ и опытъ: программы и методы вырабатываются поздѣе.

Съ своей стороны, я хотѣлъ бы скорѣе поставить вопросъ, чѣмъ его исчерпать: болѣе этого едва ли можно и требовать отъ поступательныхъ замѣчаній. Полагаю, однако, что и въ этомъ нидѣ мои замѣчанія могутъ оказаться полезными, по крайней мѣрѣ, какъ поводъ для дальнѣйшаго обсужденія предмета. Для меня они были совершенно неизбежныи, въ виду необходимости оправдать постановку вопроса въ моей работѣ.

Начну съ характеристики историческаго изученія доктринахъ, имѣющаго цѣлью установить ихъ связь съ условіями времени. После этого тѣмъ легче будетъ выиснить самостоятельныи задачи того особаго философскаго изученія, которое беретъ идеи въ ихъ внутреннемъ значеніи, независимо отъ условій ихъ историческаго происхожденія.

I.

Когда въ историческихъ обзорахъ развитіи идей впервые при-
мѣнена была мысль объ ихъ закономѣрной эволюціи, когда идеи
перестали разсматриваться въ качествѣ случайныхъ продуктовъ
личнаго творчества и были прикрѣплены къ общему ходу исто-
рин, это было великимъ и крупнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ ихъ на-
учнаго объясненія. Можно сказать, что съ этихъ именно поръ на-
чалась ихъ разработка въ духѣ истинно-исторической методы. Те-
перь уже нельзя гордиться объ иной постановкѣ *историческаго*
изученія идей. Всякое новое методологическое требованіе въ этой
области должно, поѣтому, исходить не изъ отрицанія, а изъ вос-
полненія и усовершенствованія этой методы, оставляя неизмѣн-
ной ее основу—представленіе объ общей связи историческихъ явленій
и ихъ закономѣрномъ развитіи.

Но когда мы ставимъ вопросъ объ ея усовершенствованіи, то
здѣсь едва ли могутъ быть какія-либо колебанія. Цѣль никакого
сомнѣнія, что на первыхъ порахъ, какъ это было, впрочемъ,
исполнѣ естественно, попытки связать развитіе идей съ общимъ
ходомъ событій должны были оказаться не исполнѣ удовлетвори-
тельными. Задача была слишкомъ сложна, для того чтобы она
могла быть сразу разрѣшена съ помощью наличныхъ пріемовъ
исторической науки. Такимъ образомъ, послѣ того какъ истори-
ческая литература уже обогатилась цѣлымъ рядомъ изслѣдованій
въ указанномъ выше направленіи, все еще чувствовалось, что
«новыя задачи часто понимаются слишкомъ поверхностно и фор-
мально». На это еще такъ недавно указывалъ проф. Випперъ въ
своей статьѣ «Политическія теоріи во Франціи въ эпоху религі-
озныхъ войнъ» ¹⁾. Перечисляя новыя проблемы, вытекающія изъ

¹⁾ Журналъ. Мил. Нар. Просв. 1896 г., авг.

примѣненіи исторической методы къ изученію политическихъ идей, упоминала о ясно выраженномъ требованіи ставить идеи въ связь съ реальными условіями ихъ возникновенія и вскрывать за крупными мыслителями настроеніе массъ, авторъ указанной статьи прибавляетъ: «Надо, однако, сознаться, что задача поставленная такимъ образомъ, выполняется въ весьма недостаточной мѣрѣ. Въ оправданіе часто указываютъ при этомъ на несоотвѣтствіе между характеромъ нашихъ источниковъ и поставленной цѣлью, на невозможность опредѣлять настроенія, кругъ мыслей массъ. Мнѣ кажется, что бѣда не въ характерѣ доставшихся намъ свѣдѣній, а въ нашихъ пріемахъ, въ неприспособленности къ нашимъ новымъ задачамъ тѣхъ разрѣзовъ исторически переданнаго матеріала, тѣхъ комбинацій историческихъ данныхъ, къ которымъ мы прибывали» ¹⁾. Остановимся нѣсколько на замѣчаніяхъ Р. Ю. Випера: они представляютъ, едва ли не самое интересное, что было писано у насъ объ этомъ предметѣ за послѣднее время. Въ этихъ замѣчаніяхъ ясно формулируются слабыя стороны распространенной теперь методы, но вмѣстѣ съ тѣмъ вскрывается и вся трудность болѣе правильнаго ея примѣненія. Чѣмъ выше ставится цѣль, тѣмъ болѣе недостаточными оказываются средства, и необходимый результатъ, къ которому мы должны здѣсь прійти, состоитъ въ томъ, чтобы ясно сознать неизбѣжные предѣлы при осуществленіи намѣченной задачи. Объясненіе идей, которое мы получаемъ этимъ путемъ, не можетъ быть полнымъ: оно встрѣчается съ нѣкоторыми непреодолимыми трудностями. Съ другой стороны, это неполное по существу объясненіе будетъ тѣмъ болѣе недостаточнымъ, если оно будетъ считать себя единственнымъ. Лишь съ сочувствіемъ можно отнестись къ мысли, что изученіе идей «нельзя ограничивать одною логическою связью абстрактныхъ системъ, что параллельно съ изученіемъ политическихъ теорій должно вести изученіе политическихъ учреждений и политической борьбы, общественнаго строя и общественныхъ отношеній» ²⁾. Если историки начинаютъ принимать все болѣе и болѣе участіе въ изученіи идей, это можно только приветствовать. Но было бы ошибочно

¹⁾ Ibid., стр. 279.

²⁾ Ibid., стр. 278.

думать, что въ данномъ случаѣ можно ограничиться однимъ историческимъ изученіемъ. На ряду съ исторической задачей, здѣсь возникаютъ другія проблемы—вопросы системы, догмы, критики. Всѣ эти вопросы не укладываются въ рамки собственно-историческаго изученія и имѣютъ самостоятельный интересъ. Остановимся сначала на первой части высказанныхъ нами положеній и пояснимъ нашу мысль о неизбежныхъ трудностяхъ и границахъ историческаго объясненія идей. Въ связи съ замѣчаніями проф. Вишпера, мы будемъ имѣть въ виду по преимуществу идеи политическія; по то, что мы скажемъ объ этой группѣ идей, съ тѣмъ большей силой можетъ быть повторено въ примѣненіи къ другимъ продуктамъ мысли, имѣющимъ болѣе отвлеченный характеръ.

Говоря о современной постановкѣ историческаго изученія политическихъ идей, Р. Ю. Вишперъ мѣтко указываетъ самый основной недостатокъ этого изученія, который особенно часто встрѣчается въ данной области. Этотъ недостатокъ состоитъ въ слишкомъ поверхностномъ сближеніи идей съ событіями. Въмѣсто того, чтобы доискиваться корней и основъ, довольствуются ближайшими поводами и напеками и думаютъ, что задача историческаго изученія на этомъ оканчивается, между тѣмъ какъ съ этого она только начинается. «Дѣло въ томъ, что подыскивая реальную подкладку политическихъ системъ и идей той или другой эпохи, стараются *опредѣлить ближайшій предметъ, подъ впечатлѣніемъ котораго возникла та или другая сторона ученія, т. е. сводя нѣкоторымъ образомъ политическую теорію къ суммѣ намековъ на явленія современности*, историки исполняютъ только часть своей задачи»¹⁾. Историческій комментарий долженъ идти несравненно далѣе и глубже. «Пользуясь вышеуказаннымъ пріемомъ сближенія теоріи съ фактами окружающей жизни, нельзя въ то же время забывать, что политическая теорія, *политическая идея есть дѣйствительно абстракція*, что хотя она исходитъ отъ прямыхъ впечатлѣній и постоянно ими питается, но въ то же время представляетъ продуктъ нѣкотораго сложнаго состоянія, цѣлой совокупности различныхъ данныхъ исторической жизни, сословной группировки, пра-

¹⁾ Ibid., стр. 279. Курсивъ въ этой и другихъ цитатахъ изъ статьи Р. Ю. Вишпера принадлежитъ мнѣ.

вительственной системы, экономических и культурных запросов, известного отношения общества к своему прошлому и т. д.; нельзя забывать, что в политической теории обыкновенно *лишь пост* многих исканий, столкновений, *вз* результатов долгих колебаний и поворотов мысли, символизируются в простые и ясные формулы — построения, вызванные группами разнообразных фактов, накопившихся и царивших за целый период молчания и подготовки или коренившихся в прочных, но мало выступающих, наружу традициях»¹⁾. — Соответственно с этим, положительное требование Р. Ю. Випера состоит в том, чтобы обратить внимание на изучение жизни традиций в обществе: не поддаваясь цѣлкомъ фактам, непосредственного соприкосновения теории с действительностью, ... слѣдуетъ разсматривать теорию «съ точки зрѣнія сложившихся формъ, функционирующихъ учрежденій, дѣйствующихъ общественныхъ порядковъ»; слѣдуетъ вскрывать «накопившіяся впечатлѣнія и привычки мысли, практическія желанія и протесты въ предѣлахъ данныхъ общественныхъ рамокъ за цѣлый периодъ, предшествующій возникновенію теоріи, и въ этомъ направленіи подступать къ самой теоріи, какъ къ послѣдней сжатой формулѣ продолжительнаго движенія»²⁾.

Несомнѣнно, что поставить задачу изученія идей на эту почву есть прямое требованіе исторической методы; безъ этого она не только недостаточно, но вовсе не выполнитъ своей цѣли закономѣрнаго объясненія явленій. Указать ближайшіе и наглядные поводы для возникновенія какой-либо теоріи значитъ часто забывать себя отъ необходимости отыскивать болѣе глубокіе ея корни и болѣе сложныя условія ея происхожденія, которыя, однако, впервые проливаютъ свѣтъ на ея историческое значеніе. Я буду еще имѣть случай говорить ниже о томъ, какъ осмысленіе теоріи при помощи такихъ, ближайшихъ и наглядныхъ поводовъ можетъ приводить къ совершенно ошибочнымъ результатамъ. Все это несомнѣнно. Но несомнѣнно также, что столь усложненная и углубленная задача изслѣдованія часто встрѣтится не только съ неспособностью къ ней нашихъ пріемовъ, но и съ недостаткомъ нашихъ научныхъ

¹⁾ Ibid, стр. 280.

²⁾ Ibid, стр. 282.